

В.М. Букатов

Клиповые изменения в восприятии, понимании и мышлении современных школьников – досадное новообразование «постиндустриального уклада» или долгожданная реанимация психического естества?

Опубликовано в журнале «Актуальные проблемы психологического знания» – 2018. – № 4 (49).– С. 5-19.

Технический прогресс и художественный авангард с XIX века стали катализаторами житейского противостояния диктату «книжно-центрической культуры». Школа, навязывает ученикам «чтение книг» как защиту от «клиповой заразы», вместо того, чтобы готовить их к жизни в парадоксальных условиях информационной лавины. Для этого необходимо линейные монологи учительских объяснений на уроках трансформировать в фрагментарно-индивидуальный диалог ученических пониманий.

Ключевые слова: клиповое мышление, восприятие, чтение, люди книги, люди экрана, тексто/центризм, учебник, расписание уроков, информативность, изложение, смысл

СОДЕРЖАНИЕ:

- [1] [Спасает ли чтение от «клиповой заразы»?](#)
- [2] [Изобретение Гутенберга и появление школьной диктатуры книжного тексто/центризма](#)
- [3] [Разделение на «людей книг» и «людей экрана»](#)
- [4] [О пошаговом возрождении уклада «докнижной эпохи»](#)
- [5] [Языковое свинство телеграфистов](#)
- [6] [О квази-упорядоченности журнальных и газетных изданий](#)
- [7] [«Клиповые брожения» художественного авангарда](#)
- [8] [Разумность издевательств учебных расписаний](#)
- [9] [Лавина дефектных учебников для просвещения новых поколений](#)
- [10] [Зубодробительность учебных экзерсисов](#)
- [11] [От монолога учительского объяснения к диалогу ученических пониманий](#)
- [12] [О грядущих парадоксах в нашей повседневной культуре](#)

Предисловие

Одна из поэм-размышлений Валентина Сидорова эффектно начинается строчкой-медитацией: *Ты должен повторять и повторяться*. Этот афоризм оказался полезным для разговора о культурологических проблемах клиповых характеристик восприятия, мышления и понимания. Потому что к установившемуся пониманию слова «клиповый», как к обозначению чего-то фрагментарного, обрывочного и разрозненного, поэтическая формулировка удачно добавляет тему *трафаретной ритуальности* (информативности штампов) и *обрядовой периодичности* (сакраментальности повторов). [9, с. 491]

Если в «книжной культуре» весьма драматичным является противостояние цитирования и плагиата, то при «клиповом восприятии» грани этого противостояния быстро исчезают. Значимость формы пересказа чужих мнений, утверждений и доводов теряется, уступая главное место очередному повторению самого смысла, то есть трансляции сути содержания. Что приближает цитируемую информацию к стилистическому естеству разговорной речи.

Подчеркнём, что сама статья возникла из мозаики мнений, аргументов и комментариев разных авторов (Ф.И. Гиренок, Н.А. Романов, Т.В. Семановских и др.), высказанных ими в разных работах, прочитанных нами в разное время. Но среди исходных осколков, фрагментов и воспоминаний существенная доля приходится на материалы статьи культуролога К. Фрумкина «Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры» [10].

В своё время эта статья нас приятно удивила. Так что на нашем сайте пришлось разместить её свободный пересказ-конспект для заинтересованных педагогов, психологов и родителей [2]. Позже было решено в схожем ракурсе заново рассмотреть недовольство родителей и учителей нежеланием детей читать книги – ни художественные, ни учебные, ни научно-познавательные. Что в итоге привело к появлению данной статьи.

Добавим, что по признанию культуролога К.Г. Фрумкина, катализатором его размышлений, рассуждений и умозаключений стало издание на русском языке книги Умберто Эко и Жана-Клода Карьера «*Не надейтесь избавиться от книг!*» [4]. Умберто Эко (р. 1932) – знаменитый итальянский

писатель, учёный-медиевист и семиотик. Жан-Клод Карьер (р. 1931) — известный французский романист, историк, сценарист, актёр, патриарх французского кинематографа.

Содержание книги – запись их бесед, в которых – по ходу обсуждения проблем то технических, то связанных с гигиеничностью экранов и дешёвизной переносных электронных устройств, то с вариантами решения проблемы авторского права внутри компьютерных сетей – речь идёт об онтологических *рисках* в развитии и «культуры чтения» и существования бумажных книг в современном постиндустриальном обществе.

Обсуждаемые темы оказались благодатной почвой для рассмотрения «клиповых проблем» современного образовательного социума в оригинальном историко-культурном ракурсе.

Напомним, что определение «клиповое» обрело популярность примерно в середине 1990-х годов. И почти сразу эта характеристика стала восприниматься как своеобразный терминологический диагноз, без разбору прилагаемый к процессам, связанным и с самим *восприятием* информации, и – с её *усвоением*, и – с её *использованием*. И даже – с *формированием* у молодого поколения мировоззренческих установок и(или) клише.

Считается, что клиповое восприятие (мышление, понимание) обеспечивает способность «интернет-поколению» быстро переключаться и легко ориентироваться в разрозненных фрагментах информации. Поэтому у молодых людей обычно привычка к многозадачности оказывается неплохо натренированной. Современные школьники одновременно могут слушать музыку, общаться в чате, бродить по сети, попутно редактируя фотки и рассылая селфи. При всём при этом многие из них даже умудряются параллельно выполнять – причём весьма неплохо – заданные на дом уроки.

Спасает ли чтение от «клиповой заразы»?

В обиходно-беллетристическом употреблении рассматриваемого «термина-диагноза» два момента весьма спорны. Во-первых, словосочетание «клиповое мышление» (восприятие, понимание, мировоззрение) часто выдаётся как характеристика, принадлежащая

исключительно молодежи, детям и тинэйджерам.

Во-вторых, в слове «клиповое» угадывается предвзятое приписывание явлению исключительно негативного значения. Раз «клиповое», значит зловерное, с чем следует незамедлительно начинать бороться.

Но если, например, с *рассеянным вниманием* школьников в США до сих пор родители с помощью врачей борются медикаментозно, то для борьбы с *клиповой* заразой в России был выбран путь наказания *чтением* (!). То есть во имя спасения внимания современных детей и подростков было принято решение *заставлять* (побуждать и/или вынуждать) их как можно больше **читать**.

Тут же возникли «образовательные услуги» в виде платных специальных тренингов, руководители которых спешили убедить родителей, что именно их методики помогут «дефектным чадам» научиться *сосредотачивать своё внимание* «на одном предмете», *вникать в смысл* прочитанного (сказанного и/или увиденного). Возможно, подобные тренинги кому-то какую-то пользу приносили и принесут – как в йоге порой приносят пользу тренинги по развитию медитативных навыков, – но панацеей от клиповых поветрий они стать не могут.

О том, что в процессах восприятия, мышления и формирования мировоззрений существуют этапы определённой фрагментарности, несвязности и разрозненности – то есть самой настоящей «клиповости» – на самом деле было известно давным-давно и не один век. Клиповый подход (в восприятии ли, в понимании ли) это – вполне *естественный* вектор в освоении человеком новой для себя информации. И возник он не вчера и исчезнет не завтра.

Конфликт между традиционной тексто/центрической «книжной культурой» и «клиповым стилем восприятия» сегодня неслучайно ярко проявляется именно в современной школе. Если любой взрослый человек считает, что библиотеки и музеи, например, ему не нужны, то

он в них – просто не ходит. И никто за ним никакого «конвоя» не присылает и посылать не собирается...

А вот в школе (и в начальных классах, а в «средней» и «старшей» школе в особенности) тексто/центрическая «книжная культура» предстает перед детьми и их родителями в виде мощной административно-принудительной силы. Только в школе людей, не склонных к чтению книг, изо дня в день заставляют читать [10, с. 28]. И для контроля заставляют не только пересказывать прочитанное, но и читать «на скорость» под включённый секундомер [8, с. 14].

Изобретение Гутенберга и появление школьной диктатуры книжного тексто/центризма

Книга стала уникальным и значимым **культурообразующим фактором** благодаря гениальности Гутенберга – ювелира, изобретателя, немецкого первопечатника. В середине XV века он разработал удобный способ книгопечатания – *подвижными литерами*.

Благодаря этой технологии и сами сочинения и их копии получали возможность быть убористыми, гарантированно разборчивыми и технологичными в изготовлении. Всё это позволило приобретать книги гораздо большему числу читателей, чем раньше.

Вереницы европейцев, открывая переплёты печатных книг, приобщались к таинству встречи с длинным монологом, посвященным какой-то одной предметной области. И всё большее число людей понимало, что для восприятия этого таинства им будет необходимо **отстраниться** от забот, связанных с окружающей их реальной жизнью.

Появление «быстропечатных книг», обеспечило форсированное формирование, шлифовку и распространение традиции библиофильства. Которая сопровождалась уверенностью, что «любовь к чтению» – занятие замкнутой касты интеллектуалов. Которые могут позволить себе роскошь заниматься одной

единственной и весьма узкой задачей – внимательно следить за ходом чужой мысли, создавая в своём воображении связную картину изложенного автором повествования.

Со времён дремучего средневековья в школах – как правило монастырских – неукоснительно насаждалась *диктатура текста* (в основном *священного*). После изобретения Гутенберга школьным и монастырским библиотекам пополнять свои книгохранилища стало намного проще. Многочисленность «единиц хранения» стала символом информационной преемственности с культурой прошлого (навсегда возводя *консервативно-просветительскую* функцию образовательной деятельности в ранг основной). И делало учебные учреждения реальными центрами формирования, укрепления и распространения навязчивого монотона тексто/центрической книжной диктатуры.

Заметим, что во все времена были люди как «текстового» так и «нетекстового» склада. Последние в тексто/центрическую культуру бумажных (или пергаментных) книг (или рукописей) как правило не укладывались. Поэтому их обучение шло с трудом.

Именно таких учеников обычно считали неуспевающими, малоспособными. После окончания школы многих из них ждал удел исключительно физического труда. Тем не менее некоторые из этих учеников, вдоволь нахлебавшись всевозможных неприятностей из-за плохих отметок по языку и(или) математике, пробивались-таки наверх.

Некоторые родители, чтобы оградить своих детей от печальной участи получения *плохих отметок*, с рождения готовили своих чад к тяготам тексто/центрической школы, стараясь подавить, заглушить или компенсировать рудименты *нетекстового* (то есть дотекстового) стиля восприятия, мышления, сознания.

Сегодня сердобольным родителям с готовностью предлагают свою помощь по «профилактике плохих отметок» и воспитатели в детских садах, и различные учителя подготовительных групп, классов,

курсов, и частные гувернёры и репетиторы, и телепередачи коммерческих каналов кабельного телевидения, и уж конечно специализированные сайты с «постами» в социальных сетях Интернета. Подобные предложения оказываются востребованными, потому что уже много веков как в нашей культуре и обществе безраздельно «царит» диктатура книжно-текстового уклада.

Разделение на «людей книг» и «людей экрана»

В некоторых учреждениях, связанных с *информационными технологиями*, продвинутая администрация для удобства управления персоналом делит подчинённых на два типа.

Первый – это так называемые «люди книг». Они предпочитают извлекать большую часть информации из чтения. Поэтому их главная отличительная черта – продолжительный объём внимания в работе с бумагами. Это они во время переговоров всегда помнят о том, какой вопрос является основным в обсуждении. Что и делает их вполне успешными топ-менеджерами.

Второй тип – «люди экрана». Они кардинально отличаются от первых. Главное в стиле их работы – очень быстрый отклик на происходящее. Что само по себе обычно весьма приветствуется. Хотя иногда и мешает деловой координации с другими. Например, с теми, кто не так быстро врубается в ситуацию.

Очевидно, что администрации при разумном руководстве будут нужны кадры и одного и другого типа. То есть как «люди книг», так и «люди экрана».

Клиповый характер восприятия у «людей экрана» обеспечивает большую *скорость* обработки информации. Зато обратной стороной их клиповой виртуозности является быстрая утомляемость. Которая особо быстро наступает при восприятии *линейной* и(или) *монотонной* подачи информации. Как например, – в книжном убогом тексте. Или по ходу затянувшегося делового совещания (во время которого

именно «люди экрана» постоянно хотят сменить тему и «двигаться дальше»).

Распространение среди докладчиков моды:

- на демонстрацию во время своих выступлений поясняющих графиков, таблиц и схем;
 - на использование экранов, мониторов и интерактивных досок;
 - на обращение к эмоциональным байкам-заставкам, художественным метафорам и образным сравнениям;
- говорит о серьезном признании заслуг «людей экрана» в научном мире [10, с. 28]. Организаторы даже настойчиво рекомендуют участникам в ходе презентаций своих научных докладов ускорять «мелькание» демонстрируемых слайдов. Подобные рекомендации иллюстрируют востребованность именно такого стиля работы даже на международных конференциях и солидных совещаниях.

Умение сосредотачивать своё внимания на одном предмете – безусловно, очень важно. Умение быстро переключаться на новые задачи и быстро входить в незнакомую ситуацию – тоже весьма важное качество. Парадокс в том, что эти навыки одинаково необходимы любому человеку. Но они антагонистичны: реактивность развивается за счет сосредоточенности, и – наоборот. И сегодня толком никто не может объяснить, какую же *пропорцию* между ними следует считать идеальной.

О пошаговом возрождении уклада «докнижной эпохи»

Если начало повсеместному диктату книжно-линейного стиля в культуре человечества было положено изобретением Гутенберга, то первые шажки по настойчивой реанимации прежнего «докнижного» стиля в культурном укладе общества возникли задолго до появления компьютерных игр и социальных сетей.

Культуролог Фрумкин справедливо подчёркивает, что первое громогласное, масштабное и массивное противостояние

диктатуре «книжной культуры» в европейской культуре было осуществлено *газетной империей*. Это её стараниями была отшлифована и узаконена особая специфика в изложении информации. Которая так и стала именоваться – «газетный стиль подачи материала», ставший **предтечей** «клиповых реплик» в современных соцсетях.

Подчеркнём, что газетная стилистика давно приводила европейских интеллектуалов – поборников книжной линейности в традиционной европейской культуре – к мысли, что газета является страшной антикультурной силой. Потому что каждый выпуск газеты предлагает читателям достаточно непредсказуемое разнообразие каких-то коротких и почти несвязанных между собою текстов.

Эстеты опасались, что чтение газет приводит человека к особому типу мышления: поверхностному и разбросанному. Что газеты делают сознание читателей клешированным тенденциозностью своих статей. Что заядлое чтение ежедневной периодики отвращает людей от более сложной интеллектуальной продукции.

К концу XIX века подобные взгляды получили хождение даже среди интеллектуалов «средней руки». Тогда как, например, А.П.Чехов – сочинения которого по исследованиям ЮНЕСКО будут у читателей XX века считаться «самыми популярными в мире» – не гнушался сотрудничать именно с газетными издательствами. Поставляя им фельетон за фельетоном, он пренебрегал предостережениями своих друзей и недругов.

Правда, Чехов долго не мог забыть злобное «пророчество» критика А. Скабичевского. Дело в том, что после выхода *первого* (!) сборника за подписью А.Чехонте («Пёстрые рассказы», СПб, 1886) и составленного писателем из своих газетных фельетонов, юморесок и зарисовок, пресловутый критик, перечислив сюжеты основных рассказов сборника, провозгласил его содержание наиярчайшим примером досадной гибели таланта, растраченного на работу в

газетёнках(!).

Критик не побоялся даже утверждать, что автору сборника дескать придётся «подобно выжатому лимону, < ... > в полном забвении умирать где-нибудь под забором [11, с. 448].

Мало того, даже потом – уже в XX веке – случай с первым сборником рассказов знаменитого Чехова не заставил критиков своевременно и серьёзно призадуматься. И даже Г. Гессе – лауреат Нобелевской премии! – в своём замечательном романе «Игра в бисер» не поленился отвести несколько страниц обстоятельному осуждению фельетонов [10, с. 31].

С позиций линейно-книжной, элитарной, снобистской культуры, он, – идя «след в след» за второсортным русским критиком конца XIX века, – усматривал в фельетонах только опошление, пустоту популяризации и бесполезную трату творческого потенциала. Не разглядев в фельетонах (пусть даже в специфических условиях немецкой прессы 1930-х годов) принципиальную естественность тенденции «измельчания» тех линейно/текстовых форматов, которые общество тоталитарно навязывало своим современникам как единственно заслуживающие доверия и уважения [10, с. 31]

Языковое свинство телеграфистов

Самой большой свиньёй, «подложенной под хвост» самодовольству «книжной культуры», стало появления в первой половине XIX века электрического телеграфа. Но его *клиповая* пагубность для «книжной стилистики» была осознана не сразу.

Развитие «электросвязи» стимулировало невиданное до тех пор дробление информационных сообщений. В разы усилилась краткость передаваемой информации. Что определило очередные подвижки чинной «линейно-книжной культуры» в сторону реанимации (или реабилитации) «докнижной стилистики».

Предельная лаконичность телеграфного языка сначала

показалась забавным открытием, невинным новшеством. Но вскоре пришло понимание, что эта мода возрождает «хорошо забытое старое» (например, «клиповую» лаконичность берестяных грамот).

Подвох оказался в слишком устойчивой популярности телеграфной лаконичности среди широких кругов населения. Дело в том, что долгое время отправители телеграмм, усердно стараясь сэкономить деньги, вполне легально и успешно обходились без предлогов и союзов. Что для традиционной книжной культуры было неслыханной дерзостью.

Свою лепту в дело реанимации элементов «докнижной стилистики» внесла и **Первая мировая война**. Она стала «предлагаемым обстоятельством» (по Станиславскому) феноменального распространения в русском языке *аббревиатур*. Причиной появления этого – весьма уродливого с академической точки зрения – поветрия стало развитие телеграфно-новостных каналов связи в условиях военных действий.

Но мода на аббревиатуры быстро перекинулась и на мирную жизнь. А всё потому, что соответствовала одному из естественных векторов в реабилитации «докнижной стилистики» в повседневной жизни простых граждан. (Добавим, что в то время на рудименты «докнижной стилистики» то и дело стали наткаться равнодушные исследователи-лингвисты, наконец-то признавшие уникальность, например, детских «тарабарских считалок»).

В XX веке аббревиатуры стали настолько привычными, что без них сегодня уже не обходятся ни в деловых, ни в административных, ни в эпистолярных текстах.

А ещё телеграф породил «телеграфные агентства». Которые в свою очередь принялись пропагандировать свой особый жанр – «информационное сообщение». Основными параметрами этого жанра стали *сверхкраткость* и *полное* отсутствие риторических или интеллектуальных украшений. Когда газеты в начале XX века начали

тиражировать сообщения телеграфных агентств без какой бы то ни было литературной правки, последние оказались *эталон*ом в вопросах концентрации смысла.

О квази-упорядоченности журнальных и газетных изданий

К появлению «клиповой стилистики» в жизни современной молодёжи следует относиться не как «грому с молнией – среди ясного дня», а как к *ягодкам*, неспешно созревшим на неброских и давным-давно одревеневших плетях, скромно, но крепко цепляющихся за могучие столпы «книжной культуры». Клиповые способы восприятия-понимания-изложения не новообразование, а результат давно (если не изначально) протекавших в обществе процессов по возрождению приёмов «докнижной стилистики», остававшихся до поры до времени скрытыми и завуалированными. И пока чаша не переполнилась, потеря очередной пяди «книжно-линейного императива» особо не бросалась современникам в глаза и обычно не вызывала беспокойства.

Так например, журналы и газеты хотя и состоят из отдельных *разрозненных* статей и заметок, но объединяются в номера или выпуски. А те в свою очередь делятся на разделы, создававшие видимость упорядоченности по некой иерархии. Это сглаживает таящиеся в них антилитературные тенденции, подтачивающие диктат линейно-книжных традиций восприятия-понимания-изложения.

Номера газет и журналов представляют собой *консенсус* между желанием собрать как можно больше разнообразных фрагментов информации и *квази-книжной* формой выпуска печатного издания. Разделы и рубрики призваны придавать статьям как бы функцию «глав» (в умах большинства рядовых читателей, воспитанных на диктате книжной стилистики).

Против этих привычных предпочтений населения уже с конца XIX века (то есть задолго до появления компьютеров и Интернета!) был

объявлен самый настоящий «крестовый поход» представителями художественного авангарда – литераторами, художниками, архитекторами и синематографистами [10, с. 32].

В результате к началу XX века параллельно победоносным шествиям невразумительных аббревиатур и вызывающей лаконичности телеграфных агентств в социально-деловых и художественно-творческих сферах развернулись не менее грандиозные эксперименты, диверсии и баталии, связанные с откровенным поворотом к дотекстовой эстетике.

«Клиповые брожения» художественного авангарда

В искусстве начала XX века громгласно заявляет о своём существовании футуризм. Авангардные брожения его последователей напрямую были связаны с научно-техническим прогрессом. Наиболее внятно об этом было заявлено итальянским литератором Ф.-Т. Маринетти.

В феврале 1909 года он опубликовал «Манифест футуризма», провозглашающий создание нового художественного направления, призванного соответствовать реалиям современной цивилизации (!) с её техническим прогрессом. Ключевыми для всех видов футуристического искусства (лат. futurum — будущее) были объявлены понятия «скорость» и «динамика».

В манифесте приводился такой пример футуристского толкования современной живописи: «Всё движется, всё бежит, всё быстро меняется. < ... > Устойчивость изображения на сетчатке глаза заставляет движущие предметы множиться, деформироваться, следовать друг за другом, словно это вибрации в пространстве, которое они преодолевают. И у бегущей лошади уже не четыре ноги, а двадцать, и рисунок их движения становится треугольным» [5, с. 125].

Эпатажи кубизма, абстракционизма, футуризма, лучизма, супрематизма, дадаизма и т.д. стали сменять друг друга с клиповой

скоростью. Авангардистские экспериментирования с разложением книжной линейности смысла на *несвязные фрагменты* заполнили рисунки, холсты, поэмы, романы и театральные подмостки. Если футуристическая живопись нарезала мир на кубики и лучи, то литераторы-модернисты изоцрялись в ломке монотонного центризма «линейно-текстового повествования».

По меткому замечанию культуролога Фрумкина, когда Василий Розанов, писал свои «Опавшие листья» (1913), то он явно был первооткрывателем «Живого журнала», хотя и не знал этого. [10, с. 32]

Дадаизм объявил войну логической линейности изложения (что привело к появлению сюрреализма). Согласно одной из версий термин «дада» появился благодаря австрийскому писателю Рихарду Хюльзенбеку. Он произвольно воткнул нож в словарь, острие которого попало на слово «dada» (франц. просторечное выражение, обозначающее игрушечную лошадку-качалку). Оно и стало названием для нового творческого течения.

Дадаист Тристан Тцара разрезал поэмы и вытаскивал слова или фразы из шляпы в произвольном порядке. В результате возникала новая поэма. Её восприятие концептуально противопоставлялось работе читателя по «распутыванию ниточки смысла», то есть восстановлению им логики «реализации авторского замысла».

Подобные акции сами по себе были не столько художественно значимыми, сколько чрезвычайно симптоматичным. И с тех пор историки литературы неизменно называют Тцару предтечей особой авангардистской технологии – нарезки «cut-up», – разрушающей в художественных произведениях традиционную книжную линейность (что в XXI веке было взято на вооружение даже школьными учителями в лице последователей социо-игровой «режиссуры урока» [3, с. 31]).

Разумность издевательства учебных расписаний

Отыскивая рудименты «докнижной стилистики» в современной жизни и/или их потенциальные угрозы благополучию традиционного «книжно-линейного императива» в головах наших современников, нельзя обойти вниманием и ряд весьма несурзных особенностей школьного образования. Недаром многие из родителей-интеллектуалов искренне считают: ничто так не вредит детской любви к книгам и к чтению, как школьный процесс образования.

Ученик приходит в школу с портфелем (рюкзаком), набитым тетрадками и книжками. Только вот последние книжками можно назвать лишь условно. Ибо это – учебники! Которые приходится детям читать совсем не так, как настоящие книги, то есть не с начала – до конца и не одну за другой (или по две книги параллельно).

Учебники им приходится читать урывками. По одному заданному параграфу. И как правило вперемежку с параграфами из учебников совсем других предметов. Вот дети воспринимая, понимая и запоминая кусочки учебных тем, между собой не связанными ничем кроме «расписания занятий» [10, с. 34], почти каждый день получают привычные клиповые прививки, защищающие их от современного книжно-текстового тоталитаризма.

Школьное расписание – настоящее издевательство над «культурой чтения». Точнее, над таинством читательского восприятия линейно-текстовой последовательности авторского изложения информации.

В школьном расписании одному предмету и восприятию соответствующего фрагмента из соответствующей учебной книги отводится, как правило, не более 45 минут. Затем внимание ребенка после непродолжительной и суетливой переменки обязательно будет переключено на совершенно другой предмет с чтением куска из текста в другом учебнике.

Школа из века в век руководствуется этим «рваным» режимом не

из-за дальновидной мудрости методистов, а из-за своего ослепления «грандиозностью» стоящих перед нею образовательных задач. Ведь каждому учителю за ограниченный срок следует успеть «впихнуть» в голову учеников большой пакет не только знаний, но и пресловутых компетенций, строго-настрого вменяемых ФГОСами «нового поколения».

Школьные учителя на своих уроках, в прагматических целях увеличивая плотность и разнообразие сообщаемой информации, по сути дела подменяют объявленную тренировку линейно-книжных *навыков последовательного поглощения* «гомогенного информационного потока» – эксплуатацией скачки детского внимания по несвязным информационным потокам (то есть когнитивных пробежек, скольжений, перепрыгиваний). Неразвитость же у своих учеников навыков усидчиво-монотонного вчитывания в смысловые лабиринты убористого текста сваливают на дурное влияние компьютерных игр и социальных сетей.

Лавина дефектных учебников для просвещения новых поколений

В прошлом веке, когда М.С.Горбачевым была объявлена перестройка, многие учителя – облегчённо вздохнув – стали открыто заявлять о позорном отставании системы школьного обучения от «требований жизни». И наперебой стали предлагать способы устранения недостатков. Способы в основном сводились к желанию учителей создать по своему предмету собственную «авторскую» учебную программу (часто наполовину пиратскую).

Ученикам же для работы по новым программам нужны были и новые учебники. А таких учебников не было. И школьные учителя – точнее наиболее смелые, хваткие, знающие и начитанные из них, – засучив рукава, принялись создавать новые учебники. Пользуясь тем, что монополия издательства «Просвещение» в то время была

ликвидирована.

К концу прошлого – началу нынешнего века в отечественном образовании появилось море новых учебников. И авторских и соавторских, региональных и внутри школьных, академических и авангардных, бумажных и электронных.

Но, несмотря на пёстрый веер разнообразия, качество практически всех новых учебников оставляло желать лучшего. Наружу вылезали то методические прорехи доморощенных учебных программ. То – психологическая некомпетентность автора. То – его методологический волюнтаризм.

Самыми же распространёнными недостатками новоиспечённых учебников было их многословие, невнятность изложения и стилистическая наукообразность.

Известно, что учителя не прочь пожаловаться на современных школьников, которые, дескать, не могут *пересказать* прочитанное. Что написание *изложений* им дается труднее, чем написание *сочинений* [10, с. 27]. Но практически никто из школьных учителей не рассказывает о том, как они на своих уроках учат школьников умению понимать прочитанное. Когда б учителя занялись подобной целью, им бы открылось реальное качество сегодняшних учебников.

Зубодробительность учебных эзерсисов

Если открыть учебник «Окружающий мир» для 2 класса, например, на разделе «Природы дивная краса», то второклассников ждёт такой текст:

Красота неба

Воздух, окружающий Землю, рассеивает лучи Солнца и создаёт над нами голубое небо.

Прелесть Земли была бы неполной без красоты неба. Голубое, а иногда пасмурное, грозное, оно радует глаз, вливает в душу чувство простора и свободы.

В иные минуты, особенно в предзакатные мгновенья, небо бывает столь неожиданно и ошеломляюще красиво в своём

цветовом горении, что, кажется, никакой художник на свете не способен передать всё это грандиозное представление.

Общение с необъятно глубоким и безграничным небом возвышает душу человека.

И. Смолянинов

Содержание приведённого учебного текста даже взрослому человеку **пересказать** практически невозможно. Под видом «игровой подачи» (якобы для стимулирования интереса учащихся!) второклассников пичкают практически невразумительными экзерсисами. Вдумаемся в формулировку – **Прелесть Земли была бы неполной без красоты неба**. [6, с. 51] – Это о чём? Это **кто, кому и зачем** сообщает?

Чтобы пересказать текст необходимо понять «предлагаемые обстоятельства» использования родного языка: кто говорит, кому, о чём и зачем? Второклассник в этом тексте – о возвышающем душу общении с необъятно глубоким небом – не сможет найти ответы на эти вопросы. Поэтому и логично пересказать содержание заданного на дом параграфа он будет не в состоянии.

Не сможет он объяснить и «вытекающий» из учебной темы вывод, который крупным шрифтом напечатан после приведенного текста: **«Чистый воздух – одно из главнейших богатств природы, которое необходимо охранять»**. И это в учебнике, который многие из учителей считают самым удачным (учебники других авторов много хуже).

Ученики с начальной школы приучаются к мысли, что ради отметок в школьном журнале не стоит ломать себе голову над абракадаброй школьных учебников. Лучше заняться изучением новой и действительно увлекательной электронной игры или углубиться в перелистывание реплик друзей в соцсетях.

И так все 4-6 уроков каждый рабочий день. Все одиннадцать лет обучения. Практически в учебниках по каждому предмету школьников

ждёт не просто монотонно-линейное, но и весьма трудноперевариваемое содержание.

Теперь заглянем в один из учебников для средней школы. География для 8 кл.: §13. «Внешние процессы, формирующие рельеф, и связанные с ним стихийные явления».

Подчеркнём, что в современных учебниках пересказать (или запомнить) даже название параграфа – уже проблема! Нет бы ограничиться простой формулировкой «Формирование рельефа», так нет же авторы многим параграфам в школьных учебниках сочиняют заголовки, уместные если не в диссертациях аспирантов, то в дипломных работах вузовских выпускников.

Сам учебный текст, несмотря на убогое форматирование, занимает четыре страницы (без учета иллюстраций). Практически в каждом абзаце без труда можно обнаружить какой-нибудь зубодробительный экзерсис. Например:

При неглубоком залегании водоупорных пород и особенно при чередовании водоносных и водоупорных слоев происходит соскальзывание переувлажненных верхних пластов по водоупору. Возникают *оползни*. [7, с. 72]

(Обратим внимание, что если приведённое предложение [следуя, например, «клиповым советам» дадаиста Тристана Тцары] разрезать на кусочки длиной в 2-3 словосочетания, то подразумеваемый автором смысл начнёт-таки проясняться. А уж если перемешать кусочки как пазлы, то школьникам собирать их в исходном порядке будет даже интересно. Особенно, если соседняя команда уже предлагает свой неожиданный и(или) интересный вариант [1, с. 77].)

От монолога учительского объяснения к диалогу ученических пониманий

Причин реальной или мнимой *деградации* современных школьников наверняка много, но разобраться в их иерархии

достаточно просто. Несомненно, что на мотивацию учащихся прежде всего влияет социальная неэффективность современного образования. То есть вокруг сегодняшних учеников слишком много примеров несовпадения уровня образованности с последующей социальной успешностью.

Сегодня чтобы стать востребованным работником необходимо иметь «клиповые навыки» работы с линейными текстами. То есть уметь без особого труда переводить их в краткие практические инструкции.

Клиповые навыки восприятия помогут выпускникам справляться с бурными потоками разнообразной информации, обеспечивая виртуозное переключение между воспринимаемыми фрагментами. Школьные же учителя, которые по поводу именно этих навыков «льют слёзы» и твердят о «вырождении поколений», являются по сути дела агентами средневековых представлений, «залипших» на механическом заучивании текстов.

При рассмотрении «с птичьего полета» ситуаций, повсеместно возникающих в школах, становится очевидно, что существующая система образования скорее всего *тормозит* глобальные перемены в мышлении современников. А при «ближайшем рассмотрении» – *калечит* психику отдельно взятого ребёнка, отданного родителями в школу для обучения.

Современная школа современной не является. В ней по-прежнему царит книжно-линейная диктатура. Которая перестраиваться не собирается.

Линейные тексты – это и печатные монологи авторов, и устные монологи преподавателей (учителей, лекторов, репетиторов). Реплики же читателей (учеников, слушателей, собеседников) разбивают их тексты на более или менее случайные фрагменты. И в XXI веке именно такой интеллектуальный уклад становится всё более и более привычным и востребованным. Поэтому правыми оказываются те

учителя, которые не столько *борются* с клиповым восприятием и(или) пониманием учеников, сколько *приспосабливают* свой стиль работы на уроках к подобным запросам, интересам и особенностям учеников.

Тем самым именно эти учителя, преподавая свои предметы, готовят детей к реальной жизни в «предлагаемых обстоятельствах» нынешнего XXI-го века. А именно:

- 1) к геометрическому возрастанию объёма актуальной для каждого человека информации (лично его задевающей «за живое»);
- 2) к сокращению времени, которое требуется для ситуативного понимания, обработки, обобщения актуальной информации (когда быстротечность всё чаще оборачивается мимолётностью);
- 3) к непредсказуемости в разнообразии поступающей информации (что создаёт проблемы с уяснением смысла контекста, с отбором и выделением главного, установлением причинно-следственных связей);
- 4) к увеличению числа актуальных дел, которыми приходится заниматься одновременно;
- 5) к усилению диалогичности на разных уровнях социально-коммуникативной системы.

О грядущих парадоксах в нашей повседневной культуре

Культуролог К.Г. Фрумкин, размышляя о судьбе книжной (линейно/текстовой) культуры, отмечает, что на наших глазах «теряется понимание, зачем собственно говоря нужна длительная последовательность в изложении мыслей, когда что-то полезное можно уложить в линейно несвязанные между собой кластеры» [10, с. 30].

И Интернет ежедневно «подливает масло в огонь». Будучи нашпигованным огромным количеством текстов – по объёму и

коротких и гигантских, – Интернет безотказно удовлетворяет самые разнообразные прагматические запросы своих пользователей. Что устойчиво обеспечивается его «высокой фрагментарностью информационного потока» [10, с. 33].

По прогнозу современных культурологов у людей будущего, с их клиповыми предпочтениями в познании, если и сохранятся бумажные книги, то они в отличие от современных не будут объёмистыми. Тексты в них будут короткими и рубленными (вроде реплик в ЖЖ или Твиттере). Скорее всего – несколько коротких статей, ссылающихся друг на друга.

Рассмотрение клиповых тенденций в нашей постиндустриальной жизни приводят Фрумкина к мысли, что в XXI веке **риторике** суждено всё больше становиться похожей на *диалектику*. А **проповедям** – на *дискуссии* [10, с. 33].

В самой же повседневной жизни наших современников место прежнего **избытка времени** (помните раздел «На досуге» в конце журналов 50-70-х годов?) займёт его *дефицит*.

Эстетика же всё чаще будет заменяться *прагматикой* (как это происходит, например, в **хай теке** современного дизайна и архитектуре XXI века).

И хотя писатели по-прежнему будут тешить себя иллюзией, что их сочинения целостны, читатели будут знакомиться с ними всё более фрагментарно, руководствуясь либо прагматикой, либо «счастливой случайностью». То есть «клиповый уклад» в постиндустриальном обществе повсеместно уподобит информационные сферы – образно говоря – «овощным магазинам». В которых свекла продается цельной, но употреблять её покупатели будут в виде винегрета...[10, с. 36]

Список литературы

1. *Букатов В.М.* Интерактивные технологии обучения: появления, характеристики, признаки и функции.

2. *Букатов В.* Клиповое мышление как закономерный феномен современной культуры: вольно/подробный конспект-пересказ статьи Константина Фрумкина о судьбе линейных текстов «бумажных книг» и генезисе нового сознания.– Режим доступа: <http://www.openlesson.ru/?p=25919>

3. *Букатов В.М., Ершова А.П.* Нескучные уроки: Обстоятельное изложение социо-игровых технологий обучения школьников.– Петрозаводск, 2008.– 188 с.

4. *Карьер Ж.-К., Эко У.* Не надейтесь избавиться от книг! / Пер. с фр. и прим. О. Акимовой. – СПб., 2010.– 336 с. – Режим доступа: <http://book-online.com.ua/read.php?book=5917&page=1>

5. *Маринетти Ф.Т.* Футуризм / Пер. М. Энгельгардта. М., 1914. – 241 с.

6. *Плешаков А.А.* Окружающий мир. 2 класс Часть 1. / Рекомендовано Мин. обр. и науки РФ.– М, 2011.– 128 с.

7. *Раковская Э.М.* География: природа России : Учебн. для 8 кл. общеобразоват. учреждений.– М., 2000.– 301 с.

8. Резервы обучения чтению: Кн. для учителя / *В. Н. Зайцев.* - М. : Просвещение, 1991. – 32,[1] с. : ил.;

9. *Сидоров В.М.* Избранные произведения: Т.1.– М., 1990.– 543 с.

10. *Фрумкин К.Г.* Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры // Ineternum – 2010 – Т. 1.– С. 26-36.

11. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений в 30-ти т. : Письма – 1т.– М., 1974.– 584 с.